

НАРОДЫ СССР

1. Лавров, В. *Ленін в українській народній поетичній творчості* Київ, 1961.

Образ В. И. Ленина — гениального создателя социалистического государства, Коммунистической партии Советского Союза — занял выдающееся место в устной поэзии народов СССР. Представители разных национальностей вновь и вновь обращаются к образу любимого вождя, для его воссоздания подбирают самые теплые и проникновенные слова, используя при этом богатейшую поэтическую сокровищницу традиционной и современной народной поэзии.

А. М. Горький на Первом съезде советских писателей говорил, что «фольклор в наши дни возвел Владимира Ленина на высоту мифического героя древности, равного Прометею»¹. И это не было преувеличением. В народной поэзии нет другого образа, который так волновал бы народное воображение, которому было бы посвящено столько произведений самых различных жанров; в них советские люди воплощают черты самого дорогого человека — великого и в то же время такого простого и человеческого.

Собрать все, что народ поет и рассказывает о своем вожде, бережно отобрать из огромной массы произведений самое лучшее, высокопоэтическое и сделать его достоянием широкого круга советских читателей — труд большой, кропотливый, но в высшей степени благодарный.

Именно такую работу проделал украинский фольклорист Ф. И. Лавров, выпустивший сборник «В. И. Ленин в украинській народній поетичній творчості».

Для публикации составитель отобрал лучшие песни, легенды, сказки, предания, устные рассказы, думы, частушки, пословицы и поговорки, стихотворения самодеятельных рабочих и колхозных поэтов.

Ленин в народной поэзии — самый умный, ясновидящий человек, он отыскивает правду и справедливость, спрятанные угнетателями; по его призыву и указанию трудящиеся массы, долго блуждавшие в потемках, поднимаются на великую борьбу за свое освобождение от гнета помещиков и капиталистов.

Наряду с произведениями, непосредственно воссоздающими образ Ильича, в сборник включены также песни, частушки и произведения других жанров, в которых отображено воплощение в жизнь ленинских идей, дан образ детища В. И. Ленина — Коммунистической партии Советского Союза.

Украинский народ в своем творчестве выразил твердую уверенность в том, что Коммунистическая партия Советского Союза, следуя заветам Ильича, приведет народ к коммунизму:

Сонце партії не згасне,
Його ж Ленін засвітив,
Комунізму дні прекрасні
Вже пабачили, друже, ти!

(стр. 213)

Произведения отобраны в основном удачно. Они показывают разнообразие идей и тем народной поэзии, богатство ее художественно-изобразительных средств.

Правда, этот отбор не всегда достаточно тщателен. В сборник включено несколько произведений, отразивших культ личности Сталина. Нельзя также считать целесообразным наличие в сборнике слабого произведения kobзаря В. Перепелюка «Пісня будівників в Хрещатика» (стр. 163) и отсутствие в нем хотя бы отрывков замечательной «Думи про трьох братів».

Сборнику предпослана вступительная статья составителя Ф. И. Лаврова «З глибини серця», раскрывающая идейно-тематические и художественные особенности публикуемых произведений.

Б. Курдан

Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии (*Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР*). Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LIX, М., 1960, стр. 370.

История многонационального крестьянства СССР, в особенности история крестьянства в советский период, — большая и еще далеко не разработанная тема. Исследование ее в целом крайне затруднительно. Очевидно, необходимо предварительно изучить историю крестьянства отдельных национальных республик, а также областей и районов. В самом деле, исторический путь среднеазиатского, кавказского, прибалтийского, сибирского крестьянства имел значительные особенности по сравнению с историей крестьянства центральных областей России или Украины. Сказались конкретная историческая обстановка, особенности хозяйства, культуры, быта и т. п.

К сожалению, работ, посвященных истории отдельных больших национальных или локальных групп крестьянства, очень мало. Многие из них страдают уклоном в область социологии, тогда как история крестьянства — сложная проблема и должна решаться комплексным историко-этнографическим методом.

¹ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, М., 1953, стр. 312.

Работа Л. Н. Терентьевой, освещающая историю латышского крестьянства на протяжении последних почти ста лет, особенно тщательно — историю колхозного крестьянства, процессов изменения быта, материальной и духовной культуры в советское время, является значительным вкладом в историю крестьянства нашей страны.

Работа построена на основе как исторических источников, так и на специфически этнографических материалах. Автором привлечено большое количество неопубликованных документальных материалов — контракты, договоры об аренде, данные официальных обследований положения латышского крестьянства, статистические сведения и т. д.; наряду с этим широко использованы материалы, рисующие изменения в землепользовании, постепенную эволюцию сельскохозяйственных орудий, типов жилищ, форм одежды и утвари, видов пищи и, наконец, данные, отражающие преобразования в области духовной культуры и идеологии. Благодаря этому автору удалось весьма обстоятельно и всесторонне проследить процесс изменения жизни и быта непосредственных производителей материальных благ, что часто остается вне поля зрения историков, не владеющих этнографическим материалом. Следует отметить, что Л. Н. Терентьева провела огромную работу по сбору полевых этнографических данных. Введение их в научный оборот само по себе является значительной заслугой автора.

Оригинально и построение монографии: она состоит из шести глав, но фактически делится на три раздела, соответствующие трем значительным периодам в жизни латышского крестьянства: конец XIX — начало XX в. в составе царской России (гл. I), короткий отрезок времени существования советской власти 1918—1919 гг. и годы буржуазной диктатуры 1920—1940 (гл. II); следующие четыре главы посвящены советскому периоду. В каждом из трех разделов автор последовательно и детально рассматривает социально-экономические явления, а также культуру, быт и сознание крестьянства, что позволило проследить процесс изменения положения латышских крестьян на протяжении значительного отрезка времени.

При таком углубленном подходе к теме, широком использовании разнообразных источников автору, естественно, пришлось ограничить прилегаемый материал. В качестве основного объекта исследования Л. Н. Терентьевой взят один из районов Латвийской ССР — Екабпилский район. Однако автор постоянно выходит за рамки этой территории и привлекает сравнительные материалы по другим районам Латвии и по республике в целом, в особенности часто в главах II и IV.

Нет необходимости пересказывать работу. Представление о богатом содержании книги может дать даже беглый перечень затронутых в ней тем. Автор рассматривает экономику и культуру латышской деревни в прошлом, подробно описывает мероприятия, проведенные в Латвии под руководством Коммунистической партии в декабре 1918 — марте 1919 г., в период восстановления советской власти (1940 г.) и в особенности детально разрабатывает тему социалистического переустройства в послевоенные годы (история создания колхозов, развитие их экономики, переселение с хуторов в колхозные поселки, преобразование домашнего и семейного быта, подъем культуры, особенности общественной жизни колхозного села и т. д.). Книга богато иллюстрирована фотографиями орудий труда, одежды и утвари, даны карты, схемы землепользования, планы построек и т. д.

Насколько углубленным является исследование, можно судить по разработке отдельных вопросов. Остановимся для примера на разделе «Семья».

На основе большого фактического полевого материала автор раскрывает те огромные изменения, которые произошли в условиях бурного развития капитализма (конец XIX — начало XX в.) во внутреннем строе семьи, во всем семейном укладе латышского крестьянства. Весь строй господствовавших в этот период семейных взаимоотношений определялся имущественными интересами — правом того или другого члена семьи на собственность. От этого зависели взаимоотношения между родителями и детьми, братьями и сестрами, мужем и женой, определялось неравноправное положение в семье невестки и зятя (примак). В высшей степени интересны приведенные в книге юридические документы — образцы письменных контрактов, заключавшихся между вступившим в наследство сыном и передающим свои права на имущество отцом, в которых до мельчайших подробностей оговаривались обязанности первого в отношении родителей и сестер. Заключение подобных контрактов стало нормой семейных взаимоотношений, ибо отсутствие их нередко ставило потерявших трудоспособность родителей в крайне тяжелое положение и приводило к частым судебным тяжбам. Разлагающее влияние капитализма на семью сказалось в ряде других характерных явлений: малолетности и бездетности, большом количестве внебрачных детей, высоком брачном возрасте, большом числе одиноких людей и т. д. Сопоставление этих данных с социально-экономическими группировками латышского крестьянства позволило автору социально осмыслить эти явления и правильно их интерпретировать (стр. 80—84).

Проследившая дальнейший ход развития крестьянской семьи, автор показывает, как в условиях буржуазной диктатуры (1920—1940 гг.) еще резче определились все эти отрицательные черты внутрисемейного строя. Это выразилось в дальнейшем падении численности семьи; определяющим фактором всех родственных взаимоотношений все более становился расчет. Браки заключались почти исключительно между людьми одной социальной прослойки.

В свете этих материалов особенно разительными становятся те изменения, которые произошли в семье и семейном быту латышского крестьянства в условиях нового, со-

циалистического строя. В разработке этой проблемы самым положительным образом сказался примененный исследовательницей метод посемейного анкетного обследования позволивший не только отчетливо вскрыть современное состояние семьи, то новое, прогрессивное, что в ней развивается, но и выявить причины наблюдающихся еще многих отрицательных явлений. Данные обследования показали, что в латышской деревне, где колхозный строй утвердился еще сравнительно недавно, крестьянская семья находится в переходной стадии развития. При преобладании новых начал в семейном быту, типичных для социалистического общества, в ней обнаруживается немало еще пережиточных явлений прошлого. Это прежде всего нашло свое отражение в структуре современной семьи и в особенности ее численном составе, малочисленности и малолетности семей. Тем больший интерес представляют приведенные автором материалы, свидетельствующие о существенных сдвигах, произошедших в этом отношении за последние годы. Под влиянием новых условий жизни стал интенсивнее развиваться процесс образования новых семей, значительно снизился брачный возраст, увеличилось число многодетных и т. д. (стр. 306). Все это ярко свидетельствует об укреплении материальной и моральной основы семьи.

В высшей степени интересен материал, характеризующий перестройку сознания прежнего крестьянина-единоличника. Автором хорошо обрисован весь принципиально новый порядок взаимоотношений и хозяйствования в колхозных семьях в связи с новыми правовыми нормами, в частности с утверждением коллективной собственности на имущество колхозного двора (стр. 285). Приведенный в книге материал показывает также, как под воздействием нового общественного сознания меняется весь бытовой уклад семьи, в частности новым содержанием пополняется семейная обрядность. Стремление к созданию новых, лишенных религиозного значения традиций и обрядов — одна из характерных тенденций современного быта, вызванная активным развитием атеизма в латышской деревне. Отсюда и переосмысление старой обрядности (автором показано это на тех изменениях, которые произошли в обрядах, связанных с жизненным циклом человека — рождением, браком, смертью) и формирование на основе лучших традиций прошлого новых обычаев (стр. 346—361).

Таким образом, материалы, связанные с семьей и развитием духовной культуры, ярко свидетельствуют о всесторонней роли колхозного строя в развитии прогрессивных сторон жизни латышской деревни.

Особенно хочется отметить, что на протяжении всей исторической части монографии хорошо показано то исключительно сильное воздействие, которое оказала на различные стороны быта латышского крестьянства его резкая классовая дифференциация.

Автор убедительно раскрывает наличие в буржуазной Латвии «...двух культур, двух идеологий: трудового народа, с одной стороны, эксплуататоров — с другой» (стр. 177), влияние каждой из них на трудящиеся массы (особенно молодежь); характеризует острую идеологическую борьбу этих двух культур, завершившуюся окончательной победой социалистической идеологии и культуры.

В целом автору удалось дать картину экономического и культурного развития латышского крестьянства за ряд последних десятилетий и в особенности в советскую эпоху. Монография Л. Н. Терентьевой значительно расширяет наши представления об истории и этнографии латвийского крестьянства и, на наш взгляд, является удачным примером углубленного комплексного исследования истории крестьянства в СССР. Книга уже получила положительную оценку со стороны украинских («Народна творчість та етнографія», 1961, № 4) и латвийских («Сов. этнографія», 1962, № 1) этнографов. Полностью разделяя эту оценку, мы тем не менее не можем согласиться с некоторыми замечаниями, высказанными в последней из названных рецензий. В частности, Л. Ефремова, М. Слава и Э. Чивкуль считают, что «для лучшего отражения содержания работы автору следовало бы уточнить название монографии, так как приводимый в монографии материал охватывает только колхозы Екабпилского района» (стр. 112). Это пожелание не вполне понятно, так как рецензируемая монография, хотя и содержит широкий сравнительный материал по различным районам Латвии, имеет четко сформулированный ограничительный подзаголовок — «По материалам колхозов Екабпилского района Латвийской ССР». Далее, по мнению рецензентов, в работе слишком большое место занимает материал, относящийся к прошлому. В действительности из шести глав прошлому посвящено две: I — «Селпилские крестьяне в конце XIX — начале XX века» (стр. 11—113) и II «Установление советской власти в Латвии в 1917—1918 гг. Латыши Селпилской и Абельской волостей в годы буржуазной диктатуры» (стр. 114—196). Современности же посвящены четыре главы (стр. 197—365). Но дело не в этих подсчетах. Особенности социалистического строительства в Латвии, в частности конкретные формы хозяйственных и культурно-бытовых преобразований в жизни латышского крестьянства, невозможно правильно понять и оценить без тщательного анализа исторического прошлого латышского народа, и в первую очередь ближайшего прошлого — т. е. периода буржуазной диктатуры (1920—1940 гг.). Чтобы успешно строить коммунизм в условиях Советской Прибалтики, необходимо хорошо знать, с каким экономическим и культурным «наследством» пришли народы этой неотъемлемой части нашей Родины к восстановлению Советской власти в 1940 г. Между тем период до 1940 г. еще почти не изучен советскими историками и этнографами. Думается, что Л. Н. Терентьева поступила правильно, уделив ему много вни-

мания и использовав при этом немало оригинальных, впервые публикуемых архивных материалов. Трудно согласиться также с утверждением рецензентов, что «автор неправильно разграничивает кулацкие и капиталистические хозяйства, так как в период империализма кулацкие хозяйства по существу своему были капиталистическими» (стр. 112). На стр. 127—128 своей работы Л. Н. Терентьева оговаривает, что к «кулацким хозяйствам» она отнесла «все те, в которых соотношение числа наемных рабочих к числу работающих членов семьи превышало взятую нами предельную цифру для группы середняцких хозяйств (в среднем 1 : 3), но все же не было выше 1 : 1», а к «капиталистическим хозяйствам» «все те, в которых число наемных рабочих превышало число работающих членов семьи». Ясно, таким образом, что разграничение «кулацких» и «капиталистических» хозяйств (как и все разграничения такого рода) имеет до известной степени условный характер и отнюдь не ведет к отрицанию капиталистического характера латышского кулачества времен буржуазной диктатуры. Различия между «кулацкими» и «капиталистическими» хозяйствами — это различия между группами сельской буржуазии разной экономической мощности.

В то же время в работе Л. Н. Терентьевой есть отдельные недочеты, не отмеченные предыдущими рецензентами. На наш взгляд, например, в исторических главах слишком много места уделено конкретным событиям, иногда даже деталям, революционного движения в прошлом, деятельности отдельных лиц (см., например, стр. 106—112, 177—186). Данные эти сами по себе несомненно не лишены интереса, но в историко-этнографическом исследовании они совсем не обязательны. То же относится и к слишком многочисленным подробностям из личной жизни отдельных колхозных семей с поименным перечислением их состава. С другой стороны, было бы целесообразно увеличить количество данных по этнической и культурной истории латышского народа, включая в нее и его современное национальное развитие. Можно посоветовать Л. Н. Терентьевой в ее дальнейших исследованиях обратить большее внимание на эти вопросы.

Выход книги Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» представляет собой крупное событие в советской этнографической науке. Углубленное исследование процессов изменений в жизни латышского крестьянства на протяжении ряда десятилетий имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Выводы, сформулированные в кратком, но содержательном заключении труда Л. Н. Терентьевой, заслуживают самого пристального внимания со стороны всех, кто интересуется преобразованиями в жизни латышского и вообще советского крестьянства и сам принимает участие в этих преобразованиях.

И. Гурвич, В. Крупянская, Н. Чебоксаров

Песни и сказы Донбасса. Сборник А. В. Ионова. Предисловие и редакция В. М. Сидельникова. Сталино — Донбасс, 1960, 345 стр.

Рецензируемый сборник — наиболее полное издание фольклора горняков Донбасса «с семидесятых годов прошлого столетия и до настоящего времени» (Предисловие, стр. 6). В сборник включены песни и сказы (устные рассказы), частушки и пословицы; сказки отсутствуют. Большинство текстов отличается социальной остротой, выразительностью и эмоциональностью; интерпретированы они составителем неизменно в связи с действительностью. Многие из явлений, отмеченных А. В. Ионовым в фольклоре горняков, характерны для определенных этапов развития русского фольклора в целом и показаны на широком литературно-историческом фоне.

А. В. Ионов, собиратель большей части материалов сборника и автор вводной статьи и примечаний, обогатил издание текстов, многие из которых публиковались и раньше, тщательным их комментированием (отсылка к конкретным событиям на той или другой шахте, пояснение профессиональных терминов, указание фольклорных вариантов в том числе и включенных в произведения художественной литературы Г. И. Успенским, А. С. Серафимовичем, С. Н. Сергеевым-Ценским и др.). Книга читается легко, написана с искренним подъемом, со знанием и Донбасса и фольклора горняков.

Отрадно констатировать серьезное отношение А. В. Ионова к устным рассказам, которые многие фольклористы в последние годы фактически отказываются признавать одним из жанров фольклора¹. А. В. Ионов подчеркивает художественную специфику сказов: «...Как и любому произведению устного народного творчества, сказу должны быть присущи и яркий язык, и стройная композиция, и типизация, то есть обобщение наблюдений над жизнью... Любую тему каждый из рассказчиков интерпретирует по-своему». Однако всем «наиболее искусным» из них свойственны острое построение сюжета, бытовые сценки, диалогическая, своеобразная для каждого речь (стр. 99). Автор утверждает значение этого жанра как исторического и как литературного источ-

¹ См., например, статью Л. И. Емельянова «Проблемы художественности устного рассказа» («Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 247—264).